DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-5-83-95

Новые шелковые пути и финансово-экономическое сдерживание Китая Соединенными Штатами Америки

ЛОРАН ЭСТАШИ, доктор экономических наук, доцент, преподаватель по международным финансам, макроэкономике и геополитике
KEDGE Business School (Франция, 680 Cours de la Libération, 33405 Talence). E-mail: laurent.estachy@kedgebs.com

Аннотация: Заявление Председателя Китайской Народной Республики (КНР) Си Цзиньпина в 2013 году о проекте новых сухопутных и шелковых путях является частью более широкой меркантилистской китайской «Великой стратегии», направленной на замену Соединенных Штатов как глобальной гегемонистской державы. Такое видение новой администрации США доминирует с ноября 2016 года, с момента выборов президента Дональда Трампа. В статье впервые рассматривается проект новых китайских шелковых путей не только с экономической и коммерческой точек зрения, но и в разрезе геополитических интересов и перспектив. Речь идет о сопоставлении констант геостратегических целей США в мире со времен окончания Второй мировой войны и работ американского геополитика Николаса Джона Спикмэна с новыми китайскими амбициями, лежащими в основе проектов, разработанных в рамках шелковых путей. Работа фокусируется на позиции правящей политической элиты США по отношению к Китаю: решающим становится влияние военного комплекса США, а также экономических советников, сосредоточенных на проблемах торгового дисбаланса между Соединенными Штатами и Китаем. В связи с этим автор выдвигает гипотезу о том, что американские финансовые круги, казначейство и центральный банк, крупные многонациональные фирмы и финансовые институты больше не рассматривают «системные» отношения, которые постепенно складывались между Соединенными Штатами и Китаем с момента возвращения Китая в капиталистическую сферу на рубеже 1980-х годов. В конце статьи отражены меры, принятые администрацией США с марта 2018 года, и объявление о введении тарифов, ориентированных исключительно на Китай. Другими словами, «великая» меркантилистская китайская стратегия теперь будет отвечать «контр» американской стратегии. За пределами Шелкового пути Соединенные Штаты действительно должны сдерживать подъем Китая во всех следующих формах: промышленной, технологической, коммерческой, финансовой, дипломатической и военной.
Ключевые слова: международная торговая политика, макроэкономика, платежный баланс, рынок долгосрочных ссудных капиталов, геополитика
Благодарность: Перевод статьи на русский язык и ее редактирование – Пономаренко Елена Васильевна, доктор экономических наук, профессор, директор Российско-французского центра образования и консалтинга ИГСУ РАНХиГС

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2019 года.

Эсташи Л. Новые шелковые пути и финансово-экономическое сдерживание Китая Соединенными Штатами Америки. *Государственная служба.* 2019. № 5. С. 83–95.

NEW SILK ROADS AND FINANCIAL AND ECONOMIC CONTAINMENT OF CHINA BY THE UNITED STATES OF AMERICA

LAURENT ESTASHI, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, Lecturer in International Finance, Macroeconomics and Geopolitics
KEDGE Business School (France, 680 Cours de la Libération, 33405 Talence). E-mail: laurent.estachy@kedgebs.com

Annotation: The statement in 2013 by President Xi Jinping on the draft of the new land and silk routes is part of the broader mercantilist Chinese 'Great Strategy' aimed at replacing the United States as a global hegemonic power. This vision of the new US administration has dominated since November 2016, since the election of President Donald Trump. This article is the first to consider the project of new Chinese silk roads, not only from an economic and commercial point of view, but also in terms of geopolitical interests and prospects. In other words, it is a question of comparing the constants of US geostrategic goals in the world since the end of World War II and the works of American geopolitician Nicholas John Speakman with the new Chinese ambitions underlying the projects developed within the framework of the silk roads. The work focuses on the position of the ruling US political sphere in relation to China: the decisive influence of the US military complex, as well as economic advisers focused on the problems of the trade imbalance between the United States and China. In this regard, the author hypothesizes that American financial circles, the Treasury and the central bank, large multinational companies and financial institutions no longer consider the 'systemic' relations that have gradually developed between the United States and China since the return of China to the capitalist sphere in the turn of the 1980s. In conclusion of the article the measures taken by the US administration since March 2018 are reflected, and the announcement of the introduction of tariffs focused exclusively on China. In other words, the 'great' mercantilist Chinese strategy will now respond to the 'counter' American strategy. Outside of the Silk Road, the United States really must restrain the rise of China in all these forms: industrial, technological, commercial, financial, diplomatic and military.
Keywords: international trade policy, macroeconomics, balance of payments, long-term loan capital market, geopolitics
Acknowledgment: Translation of the article into Russian and its editing – Elena Ponomarenko, Dr. Sci. (Economics), Professor, Director of the Russian-French Center for Education and Consulting, IPACS RANEPA

The article was received on September 30, 2019.

Estashi L. New silk roads and financial and economic containment of China by the United States of America. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2019. No 5. P. 83–95. In Russian

Рисунок. Китайское видение

Источник: Center for Strategic and International Studies, CSIS

Figure. Chinese vision

Source: Center for Strategic and International Studies, CSIS

Введение

Концепция нового наземного Шелкового пути была впервые объявлена Председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2013 года в Казахстане во время визита в Университет имени Назарбаева. Месяц спустя он снова говорил об этом перед индонезийским парламентом, но на этот раз упомянул и морской новый шелковый путь. Для финансирования целого ряда инфраструктурных проектов вдоль этих новых сухопутных и морских маршрутов был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций *(Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB)*, о чем также проинформировал Си Цзиньпин.

Официально заявленные прежде всего экономическая и коммерческая цели таких проектов свидетельствуют об амбициях все большей интеграции Китая в евразийский континент. Наземный путь предполагает интеграцию с Центральной Азией и Европой, морской – со странами ASEAN через Южно-Китайское море, с Ближним Востоком и Восточной Африкой через Индийский океан и, наконец, с Европой через Суэцкий канал и Средиземное море.

Инвестиции в эту беспрецедентную инициативу, согласно некоторым оценкам, могут достичь восьми тысяч миллиардов долларов до 2049 года, к 100-летнему юбилею провозглашения Китайской Народной Республики. Поэтому о ней говорят как о части «долгосрочной инициативы» (понятие, предложенное французским историком экономики Фернаном Броделем). В 2049 году, по словам Си Цзиньпина, Китай снова станет «богатым и могущественным», способным окончательно отомстить за «столетие унижения», начавшееся со времен первой опиумной войны в 1840 году.

В экономическом плане новые шелковые пути можно рассматривать как продолжение стратегии роста последних тридцати лет, ориентированной на экспорт и структурные инвестиции. Планируется, что инвестиции китайские государственные банки больше не будут инвестировать в Китай, а, в основном, переориентируются на зарубежные вложения. Это вызвано более медленным, чем предполагалось, переходом китайской экономики на потребление, который позволил бы найти новые выходы для существующих производственных мощностей на внутреннем рынке.

Геостратегические цели и задачи

Чисто экономическая основа проекта, однако, вытесняется геостратегическим контекстом: шелковые пути, по сути, являются основным ответом Китая на попытки США препятствовать росту мощи КНР как военными инструментами, так и экономически.

В военном отношении администрация президента США Барака Обамы с 2011 года начала постепенное перемещение военно-морских и военно-воздушных сил в Тихом океане, квалифицированное как «pivot vers l'Asie» («поворот к Азии»): к 2020 году 60% всех внешних интервенционных баз США должны охватывать Китай. На экономическом и коммерческом фронте исключение Китая из переговоров по *l'Accord de Partenariat Trans-Pacifique* (Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве) также было частью логики сдерживания. В 2012 году, объединяя экономические, коммерческие и военные факторы, президент Барак Обама заявил:

«Когда мы рассматриваем нашу военную безопасность в отношении Китая, одной из причин, по которой мы считаемся «опорой» Азиатско-Тихоокеанского региона, являются наши ожидания роста в регионе <...>, Китай может быть партнером, но мы посылаем очень четкий сигнал: Америка является тихоокеанской державой. Таким образом, мы работаем со странами региона, чтобы обеспечить

беспрепятственное плавание судов и не мешать торговле»[1].

Напомним, что эти инициативы администрации Обамы сами по себе отразились на территориальных амбициях Пекина в Южно-Китайском море, которые были четко продемонстрированы еще в 2009 году в Организации Объединенных Наций[2].

Утверждение о суверенитете Китая над большей частью Южно-Китайского моря не было новым, но его можно считать крупным дипломатическим событием для Пекина в контексте ослабления Соединенных Штатов после финансового и экономического кризиса в 2008 году. Для китайских лидеров пришло время разорвать дипломатическую линию Дэн Сяопина, находившегося у власти с 1978 по 1992 год, которая реализовывалась с начала 1980-х годов и была направлена на возвращение Китая в лоно капитализма: не делать громких заявлений и отказаться от любого понятия *лидерства.* Таким образом, это серьезное дипломатическое изменение, произошедшее в 2009 году, заставляет нас пересмотреть наше видение глобальной геополитической структуры.

Морская держава против континентальных государств

Со времени работ американского военно-морского теоретика и историка, контр-адмирала, одного из основателей геополитики Альфреда Мэхэна (1840–1914), автора книги «Влияние морской силы на историю» [Mahan, 1890], Соединенные Штаты позиционировались как крупнейшая морская держава. Кроме того, геополитическое позиционирование страны руководствовалось доктриной английского географа и геополитика сэра Хэлфорда Маккиндера (1861–1947), выступавшего за сдерживание любой континентальной державы, которая может доминировать в Евразии. Так, во второй половине XIX века стремление России выйти к теплым морям стало восприниматься как угроза интересам Британской империи в отношении ее жемчужины, Британской Индии. Это вызвало крупное англо-русское геостратегическое противостояние, известное под названием «Большая игра» – геополитическое соперничество между Британской и Российской империями за господство в Южной и Центральной Азии.

Николас Спикмэн (1893–1943), американский академик, считающийся отцом геополитики в Соединенных Штатах, синтезировал позиции Альфреда Мэхэна и Хэлфорда Маккиндера и определил свое геополитическое видение [Spykman, 1942], согласно которому политическая основа базировалась на неизменности американских стратегий со времен окончания Второй мировой войны. Этот подход был поддержан Збигневом Бжезинским (1928–2017), советником президента США Джимми Картера по национальной безопасности с 1977 по 1981 год [Brzezinski, 1997], и позже – в более общем виде – всеми администрациями США.

Спикмэн говорит, что «тот, кто контролирует границы Евразийского континента, контролирует континент, а тот, кто контролирует Евразию – контролирует судьбы мира». Таким образом, морская держава-гегемон, каковой являются Соединенные Штаты, противостоит континентальным державам Евразии – России и Китаю. Точки разногласий находятся на границах Евразии: на Украине, на Ближнем Востоке, в Китайском море, Корее.

Однако, строя порты в Хамбантоте в Шри-Ланке и в Гвадаре в Пакистане, укрепляясь в Джибути или Пирее в Греции, Китай фактически движется вдоль границ евразийского континента. Используя разрастание государственных долгов, Китай создает ситуации зависимости, усиливая свое влияние на страны, получающие его финансирование. Эти результаты, по сути, коммерческие и мирные, достигаются им на фоне значительного подъема военно-морского флота, что вызывает обоснованные сомнения в их конечных целях.

По мнению китайских лидеров, новые Шелковые пути направлены на укрепление экономических, торговых и финансовых связей на евразийском континенте. Однако понятно, что их развитие также должно значительно увеличить глобальное влияние Китая. Концепция направлена на возвращение прошлого величия Китая, Срединной империи, превращения страны в самую передовую мировую державу. Таким образом, новые шелковые пути в своем морском и, возможно, военном измерениях, находятся в прямой оппозиции американским геополитическим целям контроля над границами евразийского континента. Они лежат в основе геостратегических ставок, учреждающих новую «большую игру» XXI века, которая на этот раз противопоставляет Соединенные Штаты и Китай.

Изменение позиции по отношению к Китаю: сферы американского влияния

На данном этапе уместно поставить под сомнение соотношение сил в американских правящих кругах по отношению к Китаю. Финансовые круги Уолл-стрит уже давно благоприятствуют развитию отношений «системного» характера между США и Китаем. В данном контексте под термином Уолл-стрит мы рассматриваем финансовую сферу в широком смысле, включая министерство финансов США, Федеральную резервную систему (ФРС), то есть центральный банк США, и, конечно, все транснациональные компании США, котирующиесяна

---

1 Дебаты между Бараком Обамой и республиканцем Миттом Ромни. 22 октября 2012 г. https://www.youtube.com/watch?v=JgT1DJSPAOM

2 Речь идет о ноте, подтверждающей намерение Китая аннексировать множество островов далеко за пределами эксклюзивных экономических зон, определенных международным правом.

Диаграмма 1. Торговый баланс товаров Китая по регионам

Источник: Информационный Центр China Customs и компания Haver Analytics

Diagram 1. China's goods trade balance by region

Source: China Customs Information Center and Haver Analytics

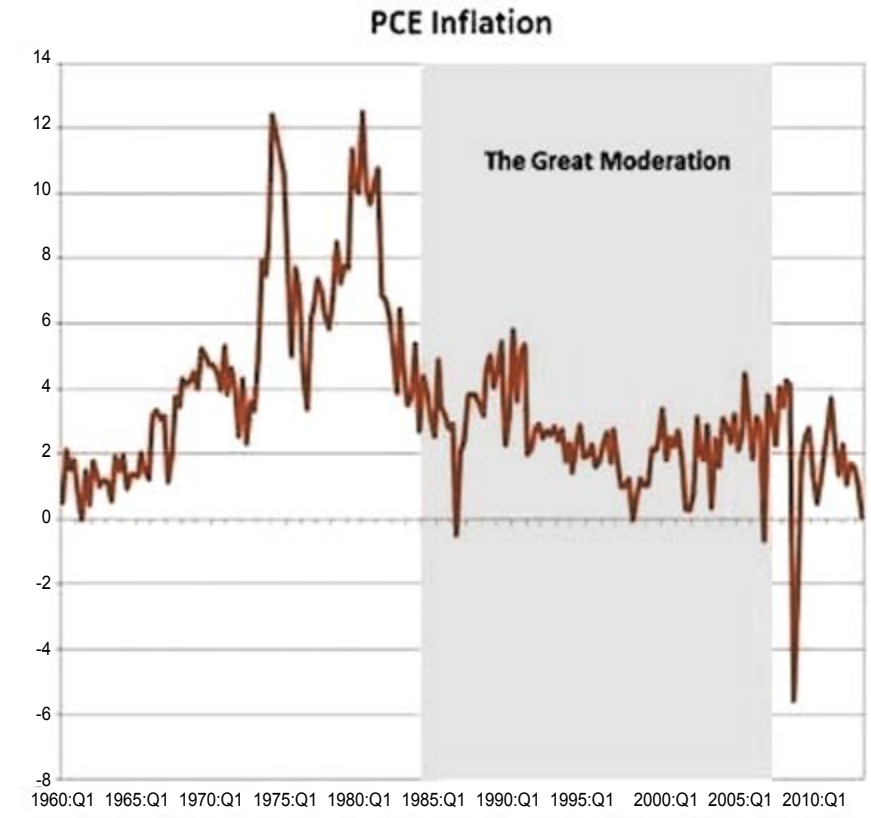

Диаграмма 2. Инфляция в Соединенных Штатах (1960–2015)

Источник: Bureau of Economic Analysis via Haver Analytics

Diagram 2. Inflation in the United States (1960–2015)

Source: Bureau of Economic Analysis via Haver Analytics

фондовом рынке, промышленном, сервисном или финансовом.

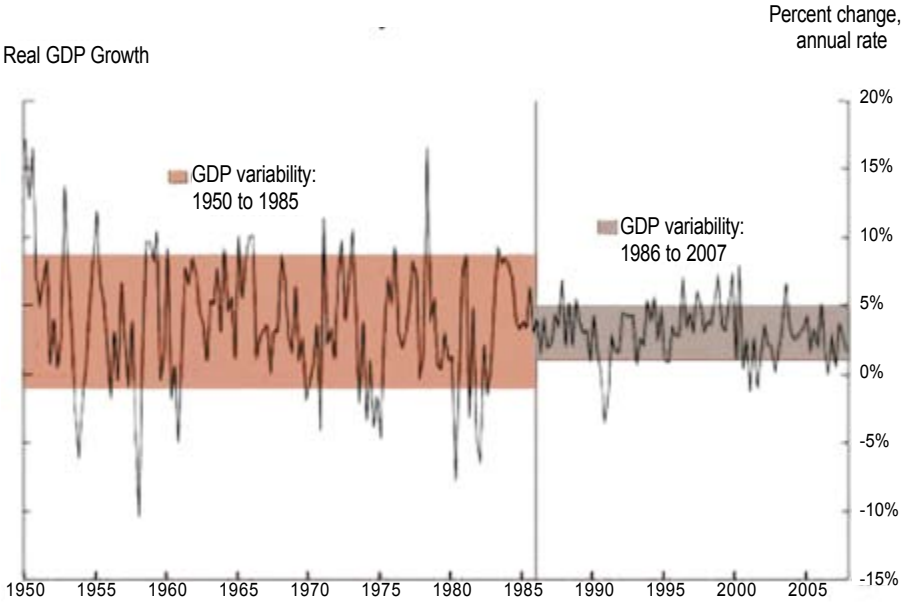
Казначейство США в прошлом было одним из первых бенефициаров этих «системных» отношений между Соединенными Штатами и Китаем: значительная доля рециркуляции китайского положительного сальдо торгового баланса фактически обеспечивается покупкой центральным банком Китая американских казначейских векселей. Этот рынок обладал характеристиками ликвидности и безопасности, которые первоначально были необходимы китайским властям. Министерство финансов США, таким образом, могло извлечь выгоду из низких ставок финансирования, но, самое главное, не было необходимости прибегать к политике жесткой экономии (повышение налогов и/или сокращение расходов), которая была бы необходима без этих вливаний ликвидности. Торговый дефицит США был квалифицирован как «безболезненный». Это одна из особенностей того, что обычно рассматривается как непомерная привилегия доллара США, то есть способность Соединенных Штатов финансировать в своей собственной валюте и без каких-либо реальных ограничений не только торговый, но и бюджетный дефицит.

Таким образом, вторично используя положительное сальдо своего баланса, Китай внес значительный вклад в финансирование дефицита бюджета США. Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в конце 2001 года привело, в частности, к очень сильному росту его положительного сальдо торгового баланса, особенно в отношении США, что стало основным источником торгового дефицита США **(диаграмма 1)**.

С начала 2014 года, несмотря на то, что положительное сальдо торгового баланса Китая побило все рекорды, повторное использование этого торгового сальдо в казначейских векселях США боль-

Диаграмма 3. Изменение роста ВВП в США (1950–2008)

Diagram 3. The variability of real GDP growth in the United States (1950–2008)

ше не производилось. Китай сократил свои активы почти на 150 миллиардов долларов: в январе 2014 года он удерживал казначейских векселей США на сумму более 1,3 триллиона долларов. В августе 2018 года – лишь около 1,1 триллиона долларов. Причины сложны – отток капитала из Китая, понижение давления на китайскую валюту юань, кризис китайского фондового рынка в 2015 году – но, главное, на сегодняшний день у казначейства США больше нет таких же интересов, как раньше, в поддержании «системных» отношений с Китаем. Он видит угрозу в потенциальной распродаже Китаем казначейских векселей, что приведет к росту долгосрочных ставок в США и, как следствие, к затратам на финансирование дефицита бюджета.

Пересмотр аналитической матрицы

Федеральная резервная система (Центральный банк США) также долгое время поощряла развитие «системных» отношений между США и Китаем. Эта взаимосвязь способствовала тому, что экономисты назвали периодом «большого сдерживания» как в условиях инфляции (**диаграмма 2**), так и в экономических циклах (**диаграмма 3**). Другими словами, колебания инфляции и годового роста были гораздо более умеренными в период между 1990 и 2007 годами, чем в предыдущие десятилетия, что способствовало успеху ФРС в достижении ее целей.

Однако кризис 2008 года показал, что «большое сдерживание» было достигнуто только ценой нарастания значительных дисбалансов для Соединенных Штатов, дефицита торгового баланса, резкого роста внешнего и внутреннего долга, деиндустриализации и т.д. По этой причине Бен Бернанке (Ben Bernanke), президент ФРС, проанализировал макроэкономическую и финансовую ситуацию, сказав в марте 2009 года следующее: «С моей точки зрения, невозможно понять кризис без ссылки на глобальный торговый и финансовый дисбаланс, возникший в рамках платежного баланса США в предыдущие годы. Проще говоря, эти дисбалансы отражают хроническую нехватку сбережений в Соединенных Штатах по сравнению с инвестициями, а также избыток сбережений во многих развивающихся странах»[3].

В конце 2008 года, в разгар финансового кризиса, экономика США даже столкнулась с серьезным дефляционным риском – кошмаром любого центрального банка, – ФРС в этом контексте «пересматривала» свои инструменты. В то время она приступила к денежно-кредитной политике, характеризуемой как «количественное ослабление» (смягчение денежно-кредитной политики): при неспособности оживить экономику, несмотря на то, что краткосрочные процентные ставки сведены к нулю, ФРС приобрела облигации на значительные суммы и, таким образом, записала в актив баланса более 3,5 триллиона долларов облигаций в период с конца 2008 по 2014 год. В этом контексте 18 марта 2009 года Федеральная резервная система США объявила, что обязуется выкупить выпуск казначейских облигаций США, то есть дефицит бюджета США будет финансироваться Центральным банком. Это решение можно считать решающим, поскольку оно должно было обеспечить финансирование, по крайней мере, частично, бюджета США путем образования денежной массы ex-nihilo (с нуля). Другими словами, это решение можно рассматривать как современную форму печатного станка.

С чисто финансовой точки зрения целью было прежде всего ослабить, снизить всю кривую доходности. При этом снижение долгосрочных ставок должно было облегчить финансирование недвижимости, бизнеса и государства, рынки акций должны были снова начать работу. Основной целью стратегии было предотвращение внутренней экономиче-

3 Бернанке Бен. Финансовая реформа для решения системных проблем. Выступление в Совете по международным отношениям. Вашингтон, округ Колумбия. 10 марта 2009 года. Bernanke Ben. Financial Reform to Address Systemic Risk, speech at the Council on Foreign Relations, Washington, D.C., March 10, 2009.

ской депрессии, подобной той, что наблюдалась в 1930-х годах[4], и фактически оказалась удивительно эффективной.

Геополитическое прочтение ситуации может быть сделано в связи с заявлением от 18 марта 2009 года[5]: целесообразно, чтобы Соединенные Штаты восстановили свою финансовую независимость по отношению к зарубежным странам и, в частности, по отношению к Китаю, который, в свою очередь, покупая американские казначейские векселя, вполне справедливо считал себя банкиром-кредитором Соединенных Штатов. Политика потенциально неограниченного создания денежной массы ФРС действительно позволила вытеснить Китай с позиции «источника финансирования» казначейства США.

Это серьезное изменение правил игры. Возможно, оно менее впечатляет, чем решение президента Никсона от 15 августа 1971 года о прекращении разменности доллара на золото, но вполне сопоставимо с ним по характеру. Китайские власти были глубоко обеспокоены этим решением, в марте 2009 года, президент Народного банка Китая (PBC) Чжоу Сяочуань выпустил «рабочий документ», в котором подчеркивалась неотложность реформы международной валютной системы и прекращение непомерной долларовой привилегии[6]. Десять лет спустя ни одна реформа так и не появилась.

Сегодня денежно-кредитная политика ФРС может быть снова ограничена Китаем[7], если он решит продать свой портфель казначейских векселей США в большей части или в полном объеме. Таким образом, ФРС будет вынуждена покупать проданные казначейские векселя и, следовательно, увеличивать размер своего баланса. Однако с 2014 года она начала совершенно противоположный процесс в контексте нормализации своей денежно-кредитной политики: повышение процентных ставок, прекращение вливаний ликвидности и, начиная с 2017 года, постепенное возобновление роста ликвидности, ранее «введенной» в американскую экономику.

Наконец, американские транснациональные корпорации стали крупнейшими бенефициарами системных отношений между США и Китаем. Переориентация с 1990-х годов производственных цепочек на Китай с его дешевой рабочей силой и в целом недооцененным юанем действительно способствовали рекордному накоплению прибыли для многонациональных компаний, прежде всего американских. Полученная таким образом прибыль была такова, что в значительной степени способствовала установлению глобального «стандарта» прибыли на капитал не менее 15%.

Однако целый ряд событий вызвал кардинальную перемену мнений руководителей большого числа американских компаний. Значительную роль в этом сыграла кража Китаем интеллектуальной собственности, которая оценивается американскими источниками в более чем 200 миллиардов долларов в год. Китай планирует конкурировать с США в высокотехнологичном секторе. Так, согласно плану до 2025 года «Сделано в Китае» компании Кремниевой долины исключены из китайского рынка, Google, Amazon, Facebook вытеснены в пользу национальных чемпионов Китая – Baidou, Alibaba, Tencent. Приобретение же технологий китайскими компаниями вызывает подозрения в шпионаже (характерный пример наблюдается в секторе стратегических телекоммуникаций с Huawei и в области развития сети G5). Кроме того, на настроениях американских участников рынка сказались продажи Китаем своих товаров по демпинговым ценам, например, в сталелитейном или алюминиевом секторе. Это происходит во многом из-за избыточных мощностей китайских производителей и т.д. Другими словами, многие американские компании теперь все больше видят в китайском бизнесе не партнеров или субподрядчиков, а конкурентов, во многих случаях и недобросовестных[8].

4 *Bernanke Ben*. What the Fed did and why: supporting the recovery and sustaining price stability. *Wall Street Journal*. 2010. 4 ноября.

5 https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/monetary20090318a.htm

6 13 марта 2009 года на пресс-конференции, закрывающей законодательную сессию 2009 года, Вэнь Цзябао, тогдашний государственный деятель Китая № 2, заявил: «Мы хотим, чтобы Соединенные Штаты выполнили свои обязательства, оставались надежной нацией и гарантировали безопасность китайских активов». 18 марта ФРС объявила о финансировании дефицита бюджета США путем денежной эмиссии. 23 марта Чжоу Сяочуань поставил под сомнение статус доллара как основной мировой валюты: https://www.bis.org/review/r090402c.pdf

7 В 2005 году денежно-кредитная политика ФРС уже была под давлением Китая: тогдашний президент ФРС Алан Гринспен предпочитал говорить о «загадке», когда долгосрочные ставки в США упали, а ФРС только что вернула свои налоговые ссуды в 150 базисных пунктах. Китай, в частности, использовал вторичное сальдо торгового баланса, покупая казначейские облигации или облигации, выпущенные Fannie Mae и Freddie Mac, не позволяя ФРС охлаждать американские рынки недвижимости и, в конечном итоге, способствуя финансовому и экономическому кризису 2008 года: https://www.federalreserve.gov/Boarddocs/hh/2005/february/testimony.htm

8 Нельзя утверждать, что на сегодняшний день все американские компании заняли отрицательную позицию по отношению к Китаю, некоторые не могут позволить себе такую роскошь, будучи в плену китайского рынка. В последнее десятилетие Китай стал для американских производителей основным рынком. Например, General Motors продала в 2018 году больше автомобилей в Китае, чем в Соединенных Штатах. Важен рынок Китая и для производителя самолетов Boeing. Другие компании зависят от китайского аутсорсинга, например, Apple.

Возвращение военно-промышленного комплекса США

Национальный торговый совет (*National trade council)*, созданный в 2017 году, считает Китай основным источником кризиса 2008 года и последовавших за ним трудностей. Питер Наварро (Peter Navarro), профессор экономики и советник Белого дома, назначенный руководить этой новой организацией, является автором книги под недвусмысленным названием «Смерть от Китая: противостояние дракону – глобальный призыв к действию» (2011). В 2015 году автор продолжил ту же тему книгой «Крадущийся тигр: что означает китайский милитаризм для всего мира».

Именно в этом контексте, связывая международную торговлю, экономику и оборону, Пентагон – Министерство обороны США – вновь смог отстоять свои взгляды на Китай как на главную угрозу национальной безопасности США. Эта позиция не нова. После распада СССР в начале 2000-х годов Китай четко обозначен не только Пентагоном, но и Министерством иностранных дел в качестве нового соперника. В феврале 2000 года Кондолиза Райс (Condoleezza Rice), будущий советник по национальной безопасности и государственный секретарь Соединенных Штатов[9], отметила: *«Китай плохо переносит роль Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе <...> Китай не хочет сохранять статус-кво, но стремится изменить баланс сил в Азии в свою пользу».* Эта точка зрения делала Китай в глазах администрации Клинтона стратегическим конкурентом, а не стратегическим партнером. Именно поэтому необходимо было обуздать растущую региональную мощь Китая и, как следствие, «углубить сотрудничество с Японией и Южной Кореей, а также поддерживать приверженность сильному военному присутствию в регионе»[10].

Другими словами, министерства обороны и иностранных дел противостояли китайскому финансовому сектору в течение почти пятнадцати лет. Повторное использование китайского положительного сальдо, предоставление ликвидных средств и дешевое финансирование, низкая инфляция, рекордные прибыли для крупных транснациональных корпораций США – все это было для американских лидеров свидетельством преимуществ, которые страна получает от «системных» отношений с Китаем. В этом контексте торговый дефицит не считался проблемой, деиндустриализация страны не компенсировалась потребителям США увеличением покупательной способности, вызванным импортом недорогих продуктов с территории Китая.

Однако эта концепция «покупательная способность, увеличивающая потребление / потребление – деиндустриализация» подвергалась серьезному сомнению во время последних президентских выборов в США. Штаты пришедшего в упадок Ржавого пояса, известного также как Индустриальный или Фабричный пояс, в частности, Мичиган, Огайо, Пенсильвания и Висконсин, фактически привели к изменению выборов в пользу новой администрации. Большинство избирателей в этих штатах отклонили ранее согласованную политику свободной торговли, которая считалась ответственной за деиндустриализацию страны[11]. Именно в этом контексте недавно созданный Национальный совет по торговле имеет гораздо большую силу влияния на администрацию США.

Подводя итог, можно сказать, что казначейство США, Центральный банк США и большая часть крупных американских компаний «пересмотрели» свои позиции по отношению к Китаю: «системные» отношения с Пекином больше не считаются такими выгодными, как в прошлом. В этом контексте следует сделать вывод, что Пентагон и министерство торговли восстановили контроль над американскими правящими кругами. Это знаменательное возвращение к командованию военно-промышленным комплексом в обновленном варианте, когда Китай заменит СССР в новой «холодной войне».

Стратегия против стратегии

Если считать, как историк экономики Фернан Бродель, что гегемонистские схватки между великими державами представляют собой первый структурирующий фактор мирового экономического пространства, то описанный выше сдвиг в американских правящих кругах может привести к новой интерпретации. Например, к интерпретации Майкла Пиллсбери, директора с 2014 года Центра китайской стратегии Хадсонского института и автора трех книг о Китае, последняя из которых, «Столетний марафон: Китайская секретная стратегия по смещению Америки с позиции мировой сверхдержавы», была опубликована в 2016 году. Майкл Пилсбери признается: *«Мы полагали, что*

Walmart, который ежегодно импортирует китайскую продукцию на 50 миллиардов долларов, подвергся жесткой критике: по оценкам Института экономической политики (Robert E. Scott), более 400 000 рабочих мест в США были потеряны по этой причине за период с 2001 по 2013 год: https://www.epi.org/publication/the-wal-mart-effect/

9 Государственный секретарь Соединенных Штатов с января 2005 года по январь 2009 года в администрации президента Джорджа Буша.

10 *Rice Condoleezza*. Campaign 2000: Promoting the National Interest. *Foreign Affairs*. 2000. № 1. 45-62.

11 Округа, наиболее пострадавшие от китайской конкуренции, на президентских выборах 2016 года отдали предпочтение кандидату от республиканцев Дональду Трампу. См. *Bob Davis*. Jump in Chinese Imports Gave Trump Election Boost, Study Finds. *The Wall Street Journal.* 2016. 22 ноября.

американская поддержка хрупкого Китая позволит ему стать демократической и мирной державой без региональных амбиций или без глобального доминирования» [Pillsbury, 2016]. Теперь он считает, что «влияние китайских ястребов» недооценено, и это приводит его к важным выводам: *«Китайская мечта должна была заменить Соединенные Штаты, как Соединенные Штаты заменили Британскую империю без единого выстрела»* [Pillsbury, 2016]. Иными словами, «китайская мечта» Си Цзиньпина имела главным образом геостратегическое измерение: заменить Соединенные Штаты в качестве гегемонистской державы. Эта гипотеза сейчас находит понимание на самом высоком уровне американского руководства.

Китайская меркантилистская стратегия

В настоящее время этот тезис отдается сильным эхом на самом высоком уровне американского государства. Поэтому следует помнить, каковы были основные черты «Великой стратегии», которой придерживался Китай с начала 1980-х годов. Вот ее основные этапы.

Развитие торговой политики / различные протекционистские меры
ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МОЩЬ

↓

Цель: Развитие экспорта

↓

Повторяющееся положительное сальдо торгового баланса
ТОРГОВОЕ МОГУЩЕСТВО

↓

Накопление золота (современных валютных резервов)
ФИНАНСОВОЕ МОГУЩЕСТВО

↓

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ и ВОЕННОЕ МОГУЩЕСТВО

Великая экономическая, коммерческая, финансовая, дипломатическая и военная стратегия легла в основу подъема Китая с момента его возвращения в мировую капиталистическую сферу. Речь идет о классическом случае в истории, этот тип стратегии был назван историками экономики «меркантилистской». В прошлом многие страны следовали ей в поисках гегемонистского положения в мире: Англия до середины XIX века, Франции времен Кольбера и Наполеона, США от президентства Линкольна до Второй мировой войны, Германия при Бисмарке.

Напомним, что историки экономики Фернан Бродель и Иммануил Валлерстайн в своих трудах предлагают рамки интерпретации, в которой настаивают на гегемонистских битвах между великими державами, причем конечные цели и задачи заключаются в контроле за ориентирами мировой экономики и, следовательно, захвате как можно большей прибыли при контроле глобального роста. Гипотезы о соперничестве власти между суверенными национальными государствами, о государственных стратегиях, действующих в основе мировой экономики, таким образом, проходят в их работах красной нитью. Многие их размышления сегодня можно охарактеризовать как «геополитические». Таким образом, эти рамки интерпретации радикально противоположны традиционным экономическим теориям международной торговли, соответствующим либеральному рыночному видению мира и, таким образом, традиционным образом настаивают на кооперативном характере взаимовыгодных отношений *a priori*, о чем говорят Давид Рикардо в своем анализе сравнительных преимуществ или Адам Смит в анализе абсолютных преимуществ. Бродель преподносит нам важный урок: мировая гегемонистская держава большую часть времени выступает за свободную торговлю, поскольку ее компании и финансовые институты являются наиболее влиятельными, однако потенциальным претендентам придется внедрять стратегии защиты, называемые меркантилистскими [Braudel, 1979].

В целом, успех крупной меркантилистской стратегии измеряется, прежде всего, периодическими излишками торговли товарами и накоплением финансовых активов. Это экономическое и финансовое процветание затем имеет тенденцию превращаться в дипломатическую и военную силу. В случае Китая положительное сальдо торгового баланса (**диаграмма 4**) с начала 2000-х годов привело к накоплению значительных валютных резервов, достигших более четырех триллионов долларов в 2014 году.

Предполагая, что аналитические матрицы Питера Наварро и Майкла Пиллсбери в соответствии с заявлениями историков экономики, упомянутых выше, в настоящее время доминируют в Белом доме, можно говорить, в конечном итоге, что Китай преследовал и продолжает проводить великую меркантилистскую стратегию во всех вышеупомянутых измерениях, и что цель, к которой стремятся Соединенные Штаты, должна состоять *in fine (в итоге – англ.)* в сокращении китайского положительного сальдо торгового баланса.

При этом речь не идет о сокращении дефицита торгового баланса США, даже если цель кажется на вид идентичной. Действительно, сокращение дефицита торгового баланса ни в коем случае не желательно для Соединенных Штатов: чтобы доллар США оставался центральной валютой международной валютной системы, он должен оставаться таковым с американской точки зрения, пополняться по всему остальному миру, и американский тор-

говый дефицит – один из таких способов. Здесь нет ничего нового. Экономист Роберт Триффин (Robert Triffin, 1911–1993), советник президента Кеннеди и известный профессор Йельского университета, тщательно проанализировал этот вопрос, а также присущую долларовой системе нестабильность еще в 1950–60-х годах [Triffin, 1960].

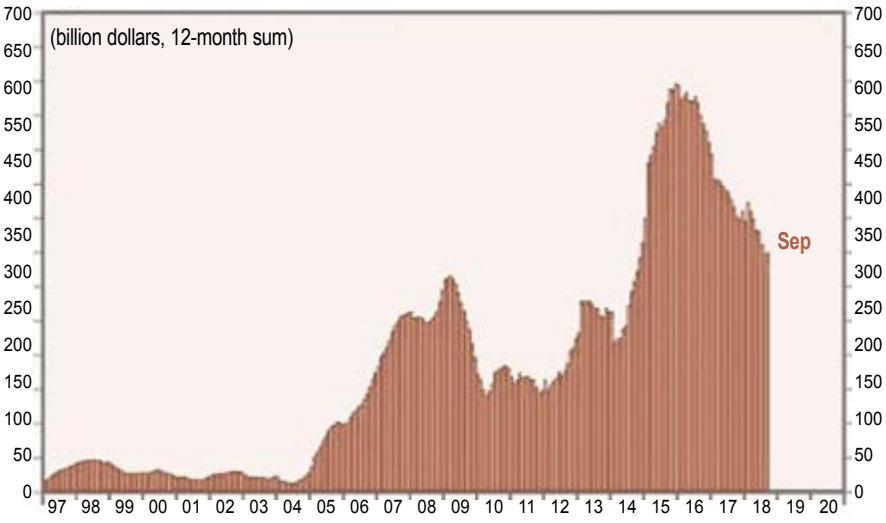
Нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман (Paul Robin Krugman) также настаивал на меркантилистской характеристике экономической и финансовой стратегии Китая: *«Китай стал главной финансовой и коммерческой державой. <…> он следует меркантилистской политике, поддерживая свое положительное сальдо на искусственно высоком уровне. В нынешней ситуации депрессии эту политику можно четко охарактеризовать как хищническую»*[12]. И добавлял: *«Валютная политика Китая наиболее искаженная среди тех, которой когда-либо придерживалась любая крупная нация. <…> Большинство крупных экономик мира застряли в ловушке ликвидности – они находятся в глубокой депрессии, но не могут добиться восстановления путем снижения процентных ставок, поскольку соответствующие ставки уже около нуля. Китай, создавая неоправданное положительное сальдо торгового баланса, фактически налагает антистимул на эти экономики, который они не могут преодолеть»*[13].

Диаграмма 4. Внешнеторговый баланс КНР

Источник: Customs and Haver Analytics

Diagram 4. China's foreign trade balance

Source: Customs and Haver Analytics

Предполагая, что в настоящее время основной целью Соединенных Штатов является сокращение положительного сальдо торгового баланса Китая, необходимо тщательно оценить последовательные экономические, коммерческие и финансовые действия, предпринятые правительством США в течение 2018 года. Эти действия на самом деле направлены на стратегические цели, поскольку речь идет о сокращении или даже устранении положительного сальдо торгового баланса Китая и, таким образом, истощении основного источника роста Китая.

Стратегические цели Соединенных Штатов Америки

Для Вашингтона первой стратегической целью является ограничение экспорта Китая в США. 23 марта 2018 года президент Дональд Трамп объявил о первой волне надбавок на сумму 50 миллиардов долларов на товары, импортируемые из Китая. В сентябре 2018 года администрация США объявила, что дополнительные 200 миллиардов долларов будут облагаться таможенными сборами, увеличенными с 10% до 25% с 1 января 2019 года. Президент США оправдал свои заявления тем, что китайские деловые практики представляют серьезную угрозу здоровью и процветанию экономики США в долгосрочной перспективе. Наконец, в Twitter и прессе обсуждалась третья волна налогообложения, на этот раз на дополнительные товары в сумме 267 млрд долларов. Президент Трамп заявил, что если Китай предпримет репрессивные меры по отношению к нашим фермерам или к другим отраслям, мы активируем третью фазу со сверхналогами на дополнительный импорт в размере 267 млрд. Если бы угроза была выполнена, то речь бы шла об общей сумме импорта США из Китая более 500 млрд долларов на товары, которые подверглись бы санкциям. На встрече Большой двадцатки в Буэнос-Айресе 1 декабря 2018 года президенты Дональд Трамп и Си Цзиньпин договорились дать переговорщикам время до 1 марта 2019 года, то есть на девяносто дней. К указанной дате соглашение так и не было достигнуто.

Следует отметить, что таможенно-тарифные меры, введенные или предусмотренные новой американской администрацией, по существу, являются протекционистскими и, разумеется, представляют серьезный вопрос об идеологии свободной торговли, которая преобладала в Соединенных Штатах в последние годы.

Однако изменился только характер действий Соединенных Штатов в международной торговле. Но ни в коем случае не конечная стратегическая цель. Соглашение о транстихоокеанском партнер-

12 *Krugman Paul*. Chinese New Year. *The New York Times*. 31.12. 2009.

13 *Krugman Paul*. Taking on China. *The New York Times*. 14.03. 2010.

стве, которое было завершено предыдущей администрацией Обамы, несомненно, содержало ту же логику сдерживания Китая. Из уст новой администрации США это звучало как угроза более высокого порядка. Определение будущих стандартов в международной торговле со среднесрочными и долгосрочными целями оказало немедленное желаемое воздействие.

Таким образом, соглашения о свободной торговле или протекционистские меры должны рассматриваться как оружие[14], которое находится в распоряжении гегемонистской державы и может использоваться в соответствии с обстоятельствами[15].

В сфере занятости администрация Обамы хотела вернуть рабочие места в Соединенных Штатах[16], новая администрация Трампа стремится пойти гораздо дальше, и сейчас речь идет ни больше ни меньше о реструктуризации всех производственных линий крупных американских международных компаний за пределами Китая, о тарифных решениях, принятых в этом направлении. Внедрение таможенных сборов новой администрацией США стало неожиданностью для китайских чиновников тем более, что риторика кандидата, а позже и президента Трампа была весьма яростной накануне и в течение 15 месяцев после президентских выборов. Этот период соответствует времени первых бесплодных торговых переговоров с Китаем[17], а также времени, потребовавшемуся для изменений в правящих кругах США, упомянутых выше[18].

Как только было объявлено о введении таможенных тарифов для Китая, юань мгновенно ослабел, паритет USD / CNY изменился с 1 доллара США на сумму 6,25 юаня в апреле 2017 года до 1 доллара США на сумму 6,85 юаня в начале августа того же года (**диаграмма 5**), что составляет почти десятипроцентное падение юаня за 4 меся-

14 В 2015 Эштон Картер (Ashton Carter), эксперт по политике безопасности США, в то время министр обороны США, заявил: «Подписание Соглашения о транстихоокеанском партнерстве так же важно для меня, как авианосец». Выступление в Университете штата Аризона в Темпе, апрель 2015 года. См.: https://www.defense.gov/Newsroom/Speeches/Speech/Article/606660/remarks-on-the-next-phase-of-the-us-rebalance-to-the-asia-pacific-mccain-instit/

15 Франсуа Фурке, французский экономист, профессор экономики в Парижском университете, в своей книге «Богатство и власть: генеалогия ценностей XVI–XVII веков» предостерегает от чрезмерного упрощения, которое будет заключаться в систематическом и почти богословском противодействии меркантилизму и фритредерству: «Одни и те же главы государств являются меркантилистами для защиты государства и делаются либералами чтобы привлечь инвесторов, капитал или ноу-хау» [Цит. по: Braudel, 1979]. Фурке, таким образом, считает, что, даже если средства различаются, цели одних и других – идентичны: вопрос в том, как создать богатство и процветание для нации, что было главной целью Адама Смита как меркантилиста. С 1945 года Соединенные Штаты находились в режиме свободной торговли, когда их многонациональные корпорации или финансовые учреждения были в состоянии выиграть торговые войны, но никогда не колебались прибегать ко всем видам защиты, тарифного или иного характера; когда это казалось необходимым, республиканские администрации и демократы объединялись.

16 Президент Обама вначале объявил, что во время второго срока приоритетом для него будет «сделать Америку магнитом для новых рабочих мест и производства». Обращение президента Б. Обамы к Конгрессу Соединенных Штатов. 12 февраля, 2013: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013 /02/12/

17 Первоначальный период в 100 дней для переговоров, о котором договорились после официального визита китайского лидера в Мар-а-Лаго, штат Флорида, Си Цзиньпин и Дональд Трамп в апреле 2017 года, не принес какого-либо существенного прогресса.

18 Следует отметить, что снижение налоговых ставок с 35% до 21%, предоставленное новой администрацией с 2018 финансового года, способствовало распространению негативного отношения к Китаю в деловых и политических кругах и к значительной консолидации республиканцев и демократов в вопросах коммерческой политики.

Диаграмма 5. Валютный паритет USD / CNY, период с 09. 2017 по 09. 2018

Diagram 5. Currency parity USD / CNY, period 09. 2017 – 09. 2018

ца. На торговую войну Китай ответил валютной войной. Эта амортизация заранее аннулировала потенциальное влияние дополнительных таможенных пошлин в размере почти 10%, которые вводились на весь китайский экспорт в Соединенные Штаты. Это обесценивание курса юаня также имело место при положительном сальдо торгового баланса Китая.

Передача технологий и кража интеллектуальной собственности

Вторая стратегическая цель США – передача технологий и проблема кражи интеллектуальной собственности. Комиссия по краже интеллектуальной собственности (*IP Commission*) в 2017 году подсчитала, что ежегодные потери экономики США из-за подделок, компьютерного пиратства, кражи коммерческой тайны превышают 225 миллиардов долларов в год и могут достичь 600 миллиардов, причем основным источником преступной деятельности является Китай.

Комиссия, возглавляемая адмиралом Деннисом Блэром, бывшим директором национальной разведки в администрации Обамы в период с 2009 по 2010 год, и Крейгом Барреттом, ранее занимавшим пост генерального директора корпорации Intel, в марте 2018 года предложила начать диалог, главным образом, между Соединенными Штатами, Европейским союзом и Японией по двойной проблеме хищений интеллектуальной собственности и передаче технологий.

В июле 2018 года премьер-министр Японии Синдзо Абэ сказал: *«По сути, мы полностью согласны с мнением г-на Трампа по вопросам доступа к рынку и по всем другим вопросам торговли и инвестиций, связанным с Китаем».* Президент Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер во время визита к Ли Кэцяну, китайскому государственному и политическому деятелю, одному из руководителей Коммунистической партии Китая и Китайской Народной Республики, заявил: *«Нам не обязательно должны нравиться методы Трампа, но это не означает, что он выдумал все эти вещи».* В то же время комиссар по европейской торговле Сесилия Мальмстрем четко подтвердила европейскую позицию по этому вопросу: *«Не секрет, что мы считаем, что Китай, в данной ситуации, является нарушителем»*[19].

Другими словами, именно к изоляции Китая по этим двум важным вопросам пришла новая американская администрация в соответствии со своей стратегией сдерживания Срединной империи. Действительно, сократить передачу технологий в Китай, бороться с кражами интеллектуальной собственности со стороны китайских предприятий, значит уменьшить шансы на успех плана до 2025 года «*Сделано в Китае*», целью которого является дать Китаю доминирующее положение во многих ведущих секторах.

Что касается условий конкуренции, то при китайском государственном капитализме они становятся несправедливыми, искажаются из-за субсидий, предоставляемых китайским государственным предприятиям и искажающих надлежащее функционирование рынков. Принудительная передача технологий и навязанные обязательства в отношении местного контента также представляют собой серьезное искажение конкуренции. Именно по этим моментам позиции американцев, японцев и европейцев сегодня схожи. Напряженность также носит идеологический характер.

Нефть и энергетическая зависимость Китая

Третья стратегическая цель США – импорт нефти и энергетическая зависимость Китая. Новые шелковые пути направлены на укрепление экономических, торговых и финансовых связей на евразийском континенте. Насколько это возможно, Китай старается избегать судоходных линий и чрезмерной зависимости от Малаккского пролива, контролируемого ВМС США. Напомним, что чистый импорт нефти в Китай увеличился с 3,3 млн баррелей в день в 2007 году до 8,4 млн баррелей в 2017 году. Таким образом, энергетическая зависимость Китая резко возросла за последнее десятилетие и сейчас это наиболее уязвимое место, ослабляющее мощь страны.

Именно в этом контексте следует рассматривать побочные последствия для Китая санкций США против Ирана и Венесуэлы, привилегированных партнеров Китая. Внешняя политика США в отношении этих двух стран-производителей способствовала резкому росту цен на нефть, усиливая позиции Саудовской Аравии и России и косвенно – американских производителей нефти и сланцевого газа. Китай же стал одной из косвенных жертв этих событий: начиная с низких цен июня 2017 года, когда нефть торговалась по 45 долларов за баррель, цены выросли до 85 долларов в октябре 2018 года. Счет за нефть для Китая увеличивается более чем на 100 миллиардов долларов в год, что уменьшает его коммерческие излишки и, следовательно, накопление финансовых активов.

Такое «оружие»[20] выгодно для местных производителей нефти и сланцевого газа. Но в то же время приводит к инфляционным ожиданиям, следовательно, и обеспокоенности относительно будущих

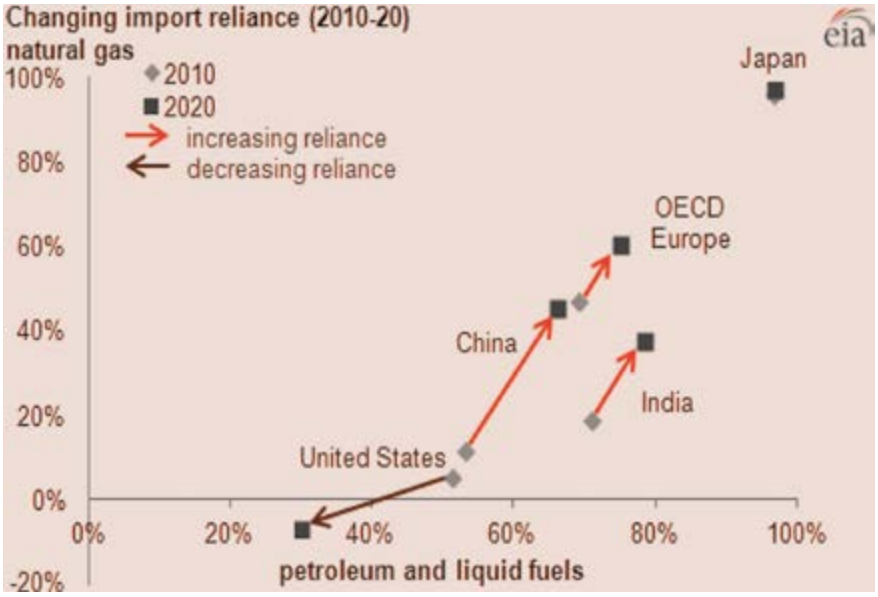
19 Цит. по: *Tom Mitchell*. China suspends import tariffs on some US goods. *Financial Times*. 11.09.2019.

20 Точно так же, как обесценивание юаня находит свои ограничения в удорожании счет-фактуры китайской нефти и риска введения американцами таможенных пошлин от 10 до 25%, а то и выше.

ключевых ставок ФРС. Опасаясь последовательного повышения ставок с возможной коррекцией вниз на фондовых рынках, а также рецессией в экономике США, президент Трамп начал переговоры с королем Саудовской Аравии Салманом[21] в конце июня 2018 года. Три месяца спустя, в начале октября, была достигнута договоренность между Саудовской Аравией и Россией об увеличении добычи, направленной на снижение цен на нефть, Америка была проинформирована. После резкого снижения в конце 2018 года цены на нефть вернулись к отметке в 70 долларов за баррель марки Brent к апрелю 2019 года[22].

Диаграмма 6. Зависимость от импорта нефти и газа из основных мировых экономических кластеров по данным Агентства энергетической информации США – EIA

Diagram 6. Dependence on oil and gas imports from major global economic clusters according to the US Energy Information Agency – EIA

Выводы и заключение

«Тот, кто контролирует границы Евразийского континента, контролирует континент, а тот, кто контролирует Евразию, контролирует судьбы мира», – формула Николаса Спикмэна демонстрирует истинный контекст соперничества между США и Китаем. Соединенные Штаты, признанная сверхдержава, стремятся сохранить свое лидерство. Китай, сверхдержава, которая все еще находится в процессе становления, пытается занять лидерские позиции. В «новой Великой игре XXI века» Китай имеет территориальные амбиции в Китайском море? Соединенные Штаты реагируют на это смещением центра тяжести своих военных сил в Тихом океане. Китай запускает проект новых шелковых путей для развития своей экономики? Соединенные Штаты отвечают бескомпромиссными мерами, направленными на сокращение сальдо торгового баланса в приоритетном порядке и, как следствие, истощение основного источника накопленных финансовых активов.

«Великая» меркантилистская стратегия Китая встречается с «противовесом» американской стратегии. За пределами Шелкового пути Соединенные Штаты действительно должны сдерживать подъем Китая в следующих сферах: промышленной, технологической, коммерческой, финансовой, дипломатической и военной.

Стратегическая оппозиция между Соединенными Штатами и Китаем является частью логики «теории вековых циклов», разработанной выдающимся французским историком Фернаном Броделем, и не может ограничиваться результатами текущих торговых переговоров. Американский гегемон вряд ли откажется от своих привилегий на международном уровне.

Сценарий текущей борьбы вполне может быть разыгран и в других областях, однако три дамокловых меча угрожают будущему росту Китая:

– увеличение энергетической зависимости (**диаграмма 6**);

– значительное увеличение задолженности всех китайских экономических агентов за последние десять лет (**диаграмма 7**). Долги предприятий составляют более 150% ВВП Китая. Многие из них объявлены банкротами по западным критериям, но их финансирование остается гарантированным государственными банками по запросу китайского правительства;

– наконец, в ближайшие годы Китай столкнется с серьезной демографической проблемой: сокращение численности его активного населения (**диаграмма 8**).

Другими словами, ожидается, что в следующем десятилетии рост Китая будет намного ниже и приблизится к стандартам развитых стран. Текущие торговые переговоры и их последствия могут стать решающим внешним воздействием, поскольку они сосредоточены на уже ослабленной структуре. Нынешняя администрация США не могла не учесть эту гипотезу.

21 Первый официальный зарубежный визит президента Трампа состоялся в Саудовскую Аравию в мае 2017 года и явился доказательством того, что США рассматривают эту страну как стратегического союзника.

22 https://www.reuters.com/article/us-russia-saudi-oil-exclusive

Диаграмма 7. Общий долг (государственный + частный) США и Китая (% от ВВП)

Источник: BRI – Международный расчетный банк

Diagram 7. Total debt (public + private) of the United States and China as a % of GDP

Source: BRI – International Settlement Bank

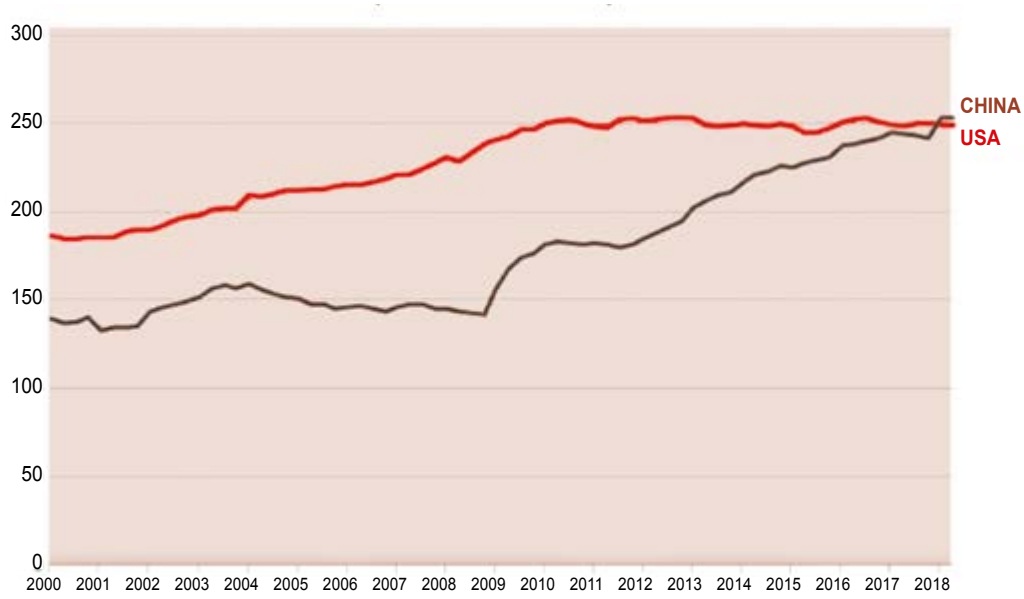
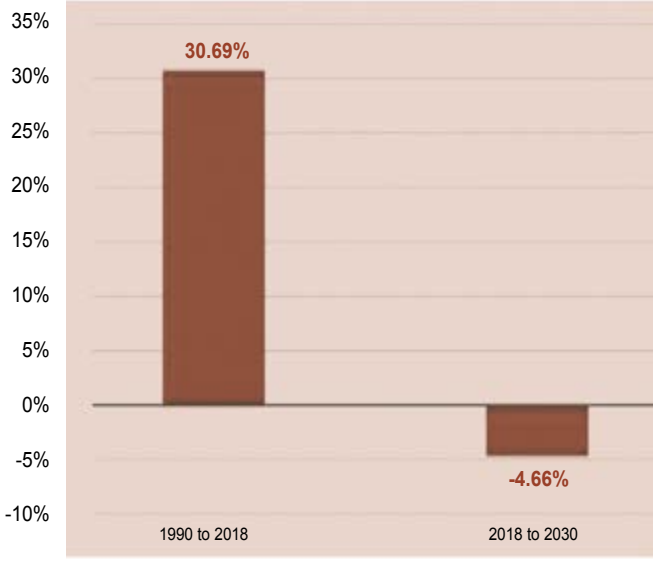

Диаграмма 8. Рост рабочей силы в Китае 1990–2018 гг. vs. 2018–2030 гг.

Источник: US Census Bureau

Diagram 8. The growth of the labor force in China 1990–2018 vs. 2018–2030

Source: US Census Bureau

References

Braudel F. Civilisation Matérielle Economie et Capitalisme. Vol. 3. Le temps du monde. *Le Temps du monde*. Paris: Armand Colin, 1979. In French

Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic, 1997. In English

Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown & Co., 1890. In English

Spykman N.J. America's Strategy in World Politics, the United States and the Balance of Power. New York: Harcourt, Brace, 1942. In English

Triffin R. Gold and the Dollar Crisis: The Future of Convertibility. New Haven, Connecticut: Yale University Press; London: Oxford University Press, 1960. In English

Pillsbury Michael. The Hundred Year Marathon. New York: Griffin Publishing, 2016.